

В поселении осужденных. Франц Кафка

– Это необычный аппарат, – сказал офицер путешественнику-исследователю и оглядел не лишенным восхищения взором устройство, которое сам давно уже знал. Путешественник, похоже, только из вежливости принял приглашение коменданта присутствовать на смертной казни солдата, осужденного за неповиновение и оскорбление своего начальника. Интерес к этой казни был, по-видимому, и в самом поселении осужденных не так уж велик. По крайней мере здесь, в этой маленькой, низко лежащей, закрытой со всех сторон голыми склонами песчаной долине помимо офицера и путешественника находились только осужденный, тупоумный, ширококоротый человек с заросшей головой и запущенным лицом, и солдат с тяжелой цепью в руках, от которой отходили цепи поменьше, охватывавшие осужденного в запястьях и лодыжках, а также вокруг шеи, и, в свою очередь, перехваченные другими соединительными цепями. Впрочем, у осужденного был такой по-собачьи преданный вид, что создавалось впечатление, что его запросто можно было отпустить бегать по склонам и ко времени начала казни требовалось только свистнуть, чтобы он вернулся обратно.

Путешественнику было мало дела до аппарата и он с почти явным безразличием разгуливал туда-сюда за спиной осужденного, в то время как офицер совершал последние приготовления, то заползал под врытый глубоко в землю аппарат, то взбирался на лестницу, чтобы осмотреть верхние части. Вся эту работу, собственно говоря, мог бы проделать и машинист, но офицер сам выполнял ее с большим усердием, то ли потому, что был особым поклонником этого аппарата, то ли потому, что по каким-то другим причинам не мог доверить работу никому больше.

– Ну вот, все готово! – провозгласил он наконец и спустился вниз. Он был крайне утомлен, дышал широко раскрытым ртом и втиснул за воротник кителя два дамских носовых платочка из нежной ткани.

– Эта форма, однако, слишком тяжела для тропиков, – сказал путешественник вместо того, чтобы осведомиться насчет аппарата, как того ожидал офицер.

– Определенно тяжела, – сказал офицер и умыл измазанные маслом руки в стоявшем тут же чане с водой, – но она символизирует для нас родину; мы не хотим терять родину. Однако, прошу вас осмотреть аппарат, – добавил он тут же, вытирая руки полотенцем и одновременно показывая на аппарат. – Мне там пришлось кое-что подправить, но теперь аппарат будет работать вполне самостоятельно.

Путешественник кивнул и посмотрел туда, куда указывал офицер. Тот решил обезопаситься на все непредвиденные случаи и сказал:

– Конечно, без неполадок дело не обходится, но я надеюсь, сегодня их не будет. Хотя ожидать можно всего. Ведь аппарат должен находиться в работе двенадцать часов без перерыва. Если же что-нибудь случится, то это могут быть только мелочи, я их тут же устраню.

– Не присесть ли вам? – спросил он наконец, вытащил из кучи плетеный стул и предложил его путешественнику.

Тот не мог отказаться. Теперь он сидел на краю ямы, которую окинул беглым взглядом. Яма была не очень глубокой. С одной стороны ее насыпью возвышалась вырытая земля, с другой стоял аппарат.

– Я не знаю, – проговорил офицер, – объяснил ли вам уже комендант принцип работы аппарата.

Путешественник сделал неопределенное движение рукой; офицеру и не надо было ничего лучшего, ибо сейчас он мог сам все объяснять.

– Этот аппарат, – начал он и взял рукоять привода, на которую тут же оперся, – изобретение нашего бывшего коменданта. Я принимал участие в самых первых запусках аппарата, а также до конца участвовал во всех остальных работах по его усовершенствованию. Но заслуга изобретения аппарата принадлежит одному только бывшему коменданту. Вы уже что-нибудь слышали об этом человеке? Нет? Знаете, не будет преувеличением сказать, что построение всего здешнего поселения является его рук делом. Мы, его друзья, уже к моменту его смерти знали, что все устройство поселения столь четко подчинено принципу внутренней замкнутости, что преемник коменданта, сколько бы новых планов не вертелось у него в голове, еще много лет не сумеет изменить ничего из старого. Наше предсказание сбылось; новому коменданту пришлось смириться с такой ситуацией. Жаль, что вы не знали бывшего коменданта! Однако, – оборвал себя офицер, – я тут болтаю, а его аппарат вот он, прямо перед нами. Как вы видите, он состоит из трех частей. За время его существования к каждой из частей приклеилось свое, скажем так, простонародное название. Нижняя часть называется ложе, верхняя – чертежник, а вот эта, средняя, висячая часть носит название борона.

– Борона? – переспросил путешественник. Он не совсем внимательно слушал, солнце чересчур задерживалось в этой лишенной всякой тени долине; с трудом удавалось собрать собственные мысли. И тем большее изумление вызывал у него офицер, который в тесном, едва ли не парадном, увешанном эполетами и аксельбантами мундире с таким рвением рассказывал ему все это и к тому же еще, не переставая говорить, то тут, то там подкручивал гаечным ключом какую-нибудь гайку. В таком же состоянии, как путешественник, пребывал, похоже, и солдат. Он намотал себе на запястья цепь, ведущую к осужденному, оперся одной рукой на свою винтовку, глубоко свесил голову и ни о чем не беспокоился. Путешественника это не удивляло, ибо офицер говорил по-французски, а французского, определенно, не понимали ни солдат, ни осужденный. И тут тем более бросалось в глаза то обстоятельство, что осужденный все равно пытался следить за объяснениями офицера. С какой-то сонной настойчивостью он все время направлял свой взгляд туда, куда указывал офицер, и когда сейчас тот вынужден был прервать свою речь под влиянием вопроса путешественника, осужденный точно так же, как и офицер, смотрел на вопрошавшего.

– Да, борона, – ответил офицер. – Подходящее название. Иглы здесь расположены как шипы у бороны, да и движение такое же, как у бороны, пусть даже на одном месте и гораздо более утонченное. Впрочем, вы и сами сейчас поймете. Сюда, на ложе, кладут осужденного... – Я сначала опишу вам принцип работы аппарата, а потом уж мы приступим к самой процедуре. Тогда вы сможете лучше наблюдать за ней. К тому же шестерня чертежника сильно стерлась, при работе она здорово скрипит, что практически не дает

возможности говорить. Запасные части здесь, к сожалению, достать трудно. – Вот, значит, ложе, как я уже сказал. Оно целиком покрыто слоем ваты; для чего, вы еще узнаете. Осужденного вниз животом кладут на эту вату, голого, разумеется; вот тут пристяжные ремни для рук, тут для ног и тут для шеи. Здесь, у изголовья ложа, куда человека, как я сказал вам, кладут сначала лицом вниз, находится эта маленькая, обитая войлоком болванка, которую легко можно отрегулировать так, что она прямоком зайдет человеку в глотку. Ее цель заключается том, чтобы предотвращать крики и кусание языка. Естественно, осужденный вынужден брать в рот этот кляп, поскольку иначе шейный ремень сломает ему позвонки.

– Это вата? – спросил путешественник и нагнулся.

– Да, конечно, – сказал офицер с улыбкой, – потрогайте сами. Он взял ладонь путешественника и провел ею по ложу. – Это вата особого приготовления, поэтому у нее такой странный вид. Я еще расскажу вам, для чего она предназначена.

Путешественник уже немного увлекся аппаратом. Приложив ладонь ко лбу для защиты от солнца, он смотрел на аппарат вверх. Это было крупное устройство. Ложе и чертежник имели одинаковые размеры и выглядели как два темных сундука. Чертежник располагался примерно в двух метрах над ложем; оба были соединены по углам четырьмя медными стержнями, которые едва не отсвечивали на солнце яркими лучами. Между сундуками на стальной ленте висела борона.

Офицер вряд ли заметил прежнее безразличие путешественника, однако от него наверняка не ускользнул его пробуждавшийся сейчас интерес; поэтому он отставил свои объяснения, чтобы дать путешественнику время спокойно полюбоваться аппаратом. Осужденный повторял за действиями путешественника; поскольку же он не мог прикрыть глаза ладонью, то просто жмурился наверх незащищенными глазами.

– Значит, человек лежит..., – сказал путешественник, откинулся в кресле и скрестил ноги.

– Да, – сказал офицер, слегка сдвинул фуражку назад и провел ладонью по горячему лицу, – а теперь слушайте! Как ложе, так и чертежник снабжены своей собственной электрической батареей; ложе само нуждается в ней, а чертежнику она нужна для бороны. Как только человека привязали, ложе приходит в движение. Оно подергивается маленькими, очень быстрыми толчками одновременно по бокам и вверх-вниз. Вы, наверное, видели подобные аппараты в лечебницах; только у нашего ложа все движения точно рассчитаны, ведь они должны быть особенно тщательно подогнаны под движения бороны. На долю бороны в конечном итоге и выпадает исполнение приговора.

– А как звучит приговор? – спросил путешественник.

– Вы даже этого не знаете? – удивленно воскликнул офицер и тут же прикусил губу. – Прошу прощения, если мои объяснения, быть может, несколько беспорядочны; покорно прошу вас извинить меня. Дело в том, что давать объяснения раньше было обыкновением коменданта; новый же комендант избегает этой почетной обязанности. Но то, что он не информирует такого высокого гостя... – Путешественник попытался отмахнуться от этих почестей обеими руками, но офицер настаивал на выбранном выражении, – то, что он даже не информирует такого высокого гостя о форме нашего приговора, это снова из разряда новшеств, которые... – у него с языка вот-вот было готово сорваться ругательство, но он сдержался и только сказал:

– Меня об этом не уведомили, я тут не виноват. Но, знаете ли, в конечном итоге я лучше всех могу знакомить интересующихся с видами наших приговоров, поскольку ношу с собой, вот здесь – он ударил по своему нагрудному карману – соответствующие чертежи, сделанные старым комендантом собственноручно.

– Чертежи, сделанные самим комендантом? – спросил путешественник. – Он что, был здесь всем сразу: солдатом, судьей, конструктором, химиком, чертежником?

– Так точно, – ответил офицер, кивая головой и смотря перед собой неподвижным, задумчивым взглядом. Потом он оценивающе взглянул на свои руки; они показались ему недостаточно чистыми, чтобы можно было приложить их к чертежам. Поэтому он подошел к чану и еще раз их вымыл. Вслед за этим он извлек из кармана маленькую кожаную книжечку и сказал:

– Наш приговор звучит не так уж сурово. Осужденному бороной на тело пишется та заповедь, через которую он переступил. На теле этого осужденного, например, – офицер указал на стоявшего рядом человека – будет написано: «чти своего начальника!»

Путешественник мельком взглянул на осужденного. Тот, когда офицер показал на него, склонил голову и, казалось, напрягал весь свой слух, чтобы что-нибудь узнать. Однако движения его пучком сложенных губ явно показывали, что он ничего не понимал. Путешественнику много чего хотелось спросить, но при виде этого человека он спросил лишь:

– Он знает свой приговор?

– Нет, – сказал офицер и хотел тут же продолжить свои объяснения, но путешественник прервал его:

– Он не знает своего приговора?

– Нет, – снова ответил офицер, приостановился на секунду, словно требуя от путешественника более конкретного обоснования вопроса, и произнес затем:

– Было бы бесполезно объявлять его ему. Он все равно увидит его на своем теле.

Путешественник хотел было совсем ничего не говорить, но почувствовал, как осужденный направил на него свой взгляд, точно спрашивал, может ли он одобрить такой ход дела. Поэтому путешественник, который до этого удобно откинулся в кресле, снова нагнулся вперед и спросил:

– Но то, что его вообще приговаривают, это-то он знает?

– Тоже нет, – сказал офицер и с улыбкой посмотрел на путешественника, будто ожидая от него каких-то особенных дополнительных сообщений.

– Нет..., – пробормотал путешественник и провел рукой по лбу, – значит, этот человек и сейчас еще не знает, как отнеслись к доводам его защиты?

– Он не имел возможности защищаться, – сказал офицер и посмотрел в сторону, словно говорил сам с собой и не хотел как-нибудь посрамить путешественника изложением этих вполне естественных для него вещей.

– Но ведь он должен был иметь такую возможность, – воскликнул путешественник и встал с кресла.

Офицер понял, что рисковал сейчас надолго застрять в своих объяснениях работы аппарата и поэтому подошел к путешественнику, приклеился к его руке, показал пальцем на осужденного, который сейчас – поскольку все внимание так явно было направлено на него – стоял приосанившись (солдат, к тому же, потянул цепь), и сказал:

– Дело вот в чем. Здесь, в поселении, меня назначили судьей. Несмотря на мою молодость. Потому что еще и бывшему коменданту я помогал в рассмотрении всех вопросов, связанных с наказаниями, да и с аппаратом я знаком лучше всех. Принцип, которым я руководствуюсь в своих решениях, звучит: вина всегда бесспорна. Другие суды могут не следовать этому принципу, в них ведь сидит не один судья и, кроме того, над ними стоят еще суды повыше. Здесь же ситуация другая или, по крайней мере, была другой при старом коменданте. Новый-то уже проявил охоту вмешаться в работу моего суда, но пока мне удавалось отразить его поползновения и, надеюсь, будет удаваться и впредь. Вы желаете, чтобы я разъяснил вам суть сегодняшнего дела? Извольте. Оно такое же простое, как и все остальные. Один капитан заявил сегодня утром, что вот этот человек, который служит ему денщиком и спит перед его дверьми, проспал время своего служебного бдения. В его обязанности, среди прочего, входит вставать к началу каждого часа и отдавать перед дверьми капитана честь. Право, не сложная обязанность и к тому же необходимая, если учесть, что он должен все время оставаться начеку как в целях охраны, так и в целях обслуживания капитана. Минувшей ночью капитан хотел проверить, исправно ли денщик выполняет свои обязанности. Ровно в два часа он открыл дверь и обнаружил его спящим на пороге, свернувшись калачиком. Он взял хлыст и ударил его по лицу. Вместо того, чтобы вскочить и просить прощения, денщик схватил своего хозяина за ноги, стал их трясти и кричать: «Брось хлыст, а не то я тебя сожру!» Вот такое дело. Час тому назад капитан пришел ко мне, я записал его показания и сразу вслед за этим вынес приговор. Потом я приказал наложить на виновного цепи. Все очень просто. Если бы я сначала вызвал этого человека к себе и учинил ему допрос, то возникла бы одна только путаница. Он стал бы врать; если бы мне удалось уличить его во лжи, он стал бы придумывать новую ложь и так далее. Сейчас же я держу его и не даю ему больше творить беззаконие. Все ли я вам объяснил? Однако время идет, пора бы уже и казнь начинать, а я еще не кончил знакомить вас с аппаратом.

Он усадил путешественника обратно в кресло, подошел к аппарату и начал:

– Как вы видите, борона по своей форме соответствует фигуре человека; вот здесь иглы для туловища, здесь – для ног. Для головы предназначен только этот маленький резец. Вам все ясно? – он любезно склонил туловище в сторону путешественника, готовый к самым развернутым пояснениям.

Путешественник, сморщив лоб, смотрел на борону. Информация офицера о здешнем судопроизводстве не удовлетворила его. И все же он был вынужден говорить себе, что находился не где-нибудь, а в поселении для осужденных, что здесь были необходимы особые наказания и что здесь до конца надо было действовать по военным меркам. Кроме того, он возлагал некоторые надежды на нового коменданта, очевидно настроенного вводить, пусть даже и медленно, новые судебные методы, которых не хотел понимать своей ограниченной головой этот офицер. Отрываясь от такого рода мыслей, путешественник спросил:

– А комендант будет присутствовать на казни?

– Нельзя сказать с точностью, – ответил офицер, чувствительно задетый внезапным вопросом, и его приветливая физиономия скривилась. – Именно поэтому нам нужно поторопиться. Я даже буду вынужден, как мне ни жаль, сократить свои объяснения. Но, например, завтра, когда аппарат снова почистят, – то, что он сильно загрязняется, его единственный недостаток, – я мог бы восполнить недостающие пояснения; то есть сейчас – только самое необходимое. Когда человек лежит на ложе и оно, заведенное, вибрирует, борона опускается на тело. Она сама настраивается так, что лишь слегка касается тела кончиками игл; когда настройка закончилась, этот стальной трос сразу распрямляется в стержень и представление начинается. Непосвященный не замечает внешних различий в наказаниях. Борона на первый взгляд работает равномерно. Подергиваясь, она втыкает свои иглы в тело, которое вдобавок дрожит из-за движений ложа. Для того, чтобы дать возможность каждому проверить исполнение приговора, поверхность бороны сделана из стекла. Не обошлось, правда, без некоторых технических трудностей, связанных с закреплением на этой поверхности игл, но после многих попыток нам это все-таки удалось. Мы ведь не жалели своих сил. И теперь все могут через стекло видеть, как надпись наносится на тело. Не угодно ли вам подойти поближе и взглянуть на иглы?

Путешественник медленно поднялся, подошел к аппарату и нагнулся над бороной.

– Перед вами два вида игл, часто разбросанных по всей поверхности. Рядом с каждой длинной иглой находится короткая. Длинная пишет, а короткая струями подает воду, смывая таким образом кровь и обеспечивая четкость написанного. Вода с кровью течет по этим маленьким желобкам к главному стоку, откуда по трубе уходит в яму. – Офицер пальцем точно показал путь, который проделывает окровавленная вода. Когда он, чтобы наиболее наглядно продемонстрировать это, совершил у горловины сточной трубы пригоршнями ладоней подхватывающий жест, путешественник поднял голову и, ощупывая рукой пространство у себя за спиной, стал искать дорогу обратно к своему креслу. Тут он к своему ужасу увидел, что и осужденный вслед за ним последовал приглашению офицера осмотреть устройство бороны с непосредственной близости. Он немного протаскил заспанного солдата на цепи вперед и тоже склонился над стеклом. Было видно, как он неуверенным взором пытался отыскать то, что перед ним только что рассматривали два господина, и как это ему,

звиду нехватки пояснений, решительно не удавалось. Он наклонялся то туда, то сюда; без конца обводил глазами стекло. Путешественник хотел было отогнать его, ибо то, что делал этот осужденный, было, очевидно, наказуемо. Но офицер придержал путешественника одной рукой, другой взял с песчаного склона ком земли и бросил его в солдата. Солдат моментально открыл глаза, увидел, что позволяет себе осужденный, бросил винтовку, уперся каблуками в землю, одернул осужденного так, что тот сразу упал, и взирал потом сверху, как тот крутился у его ног и звенел цепями.

– Поставь его на ноги! – крикнул офицер, ибо он заметил, что эта картина с заключенным слишком отвлекала внимание путешественника. Путешественник даже перегнулся через борону, совсем о ней позабыв, и хотел только увидеть, что будет с осужденным.

– Смотри, обращай с ним как следует! – снова крикнул офицер. Он обежал аппарат, сам подхватил осужденного под мышки и поднял его, то и дело теряющего под собой опору, с помощью солдата на ноги.

– Ну, теперь я все знаю, – сказал путешественник, когда офицер вернулся к нему.

– Кроме самого важного, – заметил тот, тронул путешественника за руку и показал наверх.

– Там, внутри корпуса чертежника, расположен шестеренчатый механизм, который регулирует движения бороны, и этот механизм выводится в то или иное положение непосредственно чертежом, определяющим суть приговора. Я еще пользуюсь чертежами бывшего коменданта. Вот они, – он вытащил несколько листков из кожаной книжечки.

– К сожалению, я не могу дать вам их в руки; они самое дорогое, что у меня есть. Присядьте, я покажу вам их с этого расстояния, так вам все будет хорошо видно. Он показал первый листок. Путешественник был бы и рад сказать что-нибудь похвальное, но его взору предстали только запутанные, начерченные в форме какого-то лабиринта, во многих местах пересекающие друг друга линии, которые так густо покрывали бумагу, что лишь с трудом можно было различить белые пространства между ними.

– Читайте, – сказал офицер.

– Я не могу, – сказал путешественник.

– Тут же все ясно видно, – сказал офицер.

– Выполнено весьма искусно, – сказал путешественник уклончиво, – но я не могу ничего расшифровать.

– Да, – вымолвил офицер, усмехнулся и снова засунул свою книжечку в карман, – это не чистописание для школьников. Этот шрифт надо разбирать долго. В конце концов вы бы, несомненно, его тоже разобрали. Разумеется, нельзя делать шрифт простым; надпись же призвана убивать не сразу, а должна дать растянуться процедуре в среднем на двенадцать часов. Переломный пункт обычно наступает к шестому часу. Короче говоря, непосредственная надпись должна быть окружена множеством всяких росписей и вензелей, сама же она опоясывает тело тонкой лентой, все остальное место предназначено исключительно для украшений. Ну как, сейчас вы можете оценить по достоинству работу бороны и всего аппарата в целом? Смотрите!

Он вскочил на лестницу, дернул какую-то шестеренку и крикнул вниз:

– Осторожно, отойдите в сторону!

И все пришло в движение. Если бы шестерня не скрипела так сильно, это была бы великолепная картина. Офицер, точно он впервые увидел эту горе-шестеренку, пригрозил ей кулаком; повернувшись к путешественнику, развел в извиняющемся жесте руки и поспешно спустился, чтобы наблюдать за работой аппарата снизу. Что-то там, видимое только ему одному, было еще не в порядке; он снова взобрался наверх, запустил обе руки внутрь чертежника, затем, чтобы было быстрее, в обход лестницы соскользнул по одному из медных стержней вниз, и, крайне напрягаясь, чтобы пробиться сквозь шум аппарата, крикнул в ухо путешественнику:

– Вам понятен процесс? Борона начинает писать; как только она закончит первое наложение надписи на спине осужденного, тело медленно переворачивается на бок с тем, чтобы дать бороне место для продолжения работы. В это время раны, возникшие на спине от игл, прикладываются к вате, которая, вследствие особых своих качеств, сразу останавливает кровотечение и подготавливает тело для дальнейшего углубления надписи. Вот эти зубцы по краям бороны срывают при новом перевертывании тела вату с ран, сбрасывают ее в яму и бороне снова есть чем заняться. И так она пишет все глубже и глубже двенадцать часов кряду. Первые шесть часов осужденный живет почти так, как раньше, только страдает от боли. Через два часа после начала казни удаляется кляп, поскольку у человека нет больше сил кричать. Сюда, в эту электрически подогреваемую миску у изголовья, кладется теплая рисовая каша, которую он, если хочет, может есть или, лучше сказать, брать то, что достанет языком. Никто не упускает такой возможности. Во всяком случае я не знаю ни одного такого, а у меня огромный опыт. Лишь примерно к шестому часу желание есть у него проходит. Тогда я обычно опускаюсь вот здесь на колени и наблюдаю за этим явлением. Последний кусок осужденный редко глотает, он только ворочает его во рту и выплевывает потом в яму. Мне тогда приходится нагибаться, иначе он еще попадет мне в лицо. Каким же тихим он, однако, делается к шестому часу! Суть дела доходит до самого тупого. И начинается это с глаз. А уж оттуда расходится повсюду. Такой, знаете, бывает вид, что самого тянет лечь под борону. Ничего ведь такого не происходит, просто человек начинает разбирать надпись, он складывает губы трубочкой, словно во что-то вслушивается. Вы видели, не так-то легко разобрать надпись глазами; наш же человек разбирает ее своими ранами. Правда, это уйма работы; ему требуется еще шесть часов, чтобы довести ее до конца. Однако затем борона полностью нанизывает его на свои иглы и сбрасывает в яму, где он шлепается на окровавленную воду и вату. На этом суд заканчивается, и мы, то есть я и солдат, закапываем тело.

Путешественник склонил ухо к офицеру и, засунув руки в карманы сюртука, смотрел за работой машины. Осужденный тоже смотрел за ней, но ничего не понимал. Он слегка нагнулся и наблюдал за покачивавшимися иглами, когда солдат по знаку офицера разрешил ему сзади ножом рубашку и штаны так, что они свалились с него; он хотел подхватить падающее добро, чтобы прикрыть свою наготу, но солдат поднял его в воздух и стряхнул с него последние ключья. Офицер настроил машину и в наступавшей сейчас тишине осужденного

положили под борону. Цепи с него сняли и вместо этого укрепили ремни, что, похоже, сначала даже означало для него какое-то облегчение. И вот борона опустилась еще на немного, ибо осужденный был худощавым человеком. Когда острия игл коснулись его, трепет прошел по его коже; в то время как солдат был занят его правой рукой, он вытянул левую, вытянул просто так, наобум, но это было то направление, где стоял путешественник. Офицер неотрывно смотрел на путешественника со стороны, точно пытался прочитать на его лице впечатление, производимое на него этой экзекуцией, суть которой он довел до него хотя бы поверхностно. Ремень, предназначенный для запястья, порвался; вероятно, солдат слишком сильно натянул его. Офицер вынужден был идти на подмогу, солдат показал ему оторвавшийся кусок. Офицер направился к нему и сказал, повернув лицо к путешественнику:

– Эта машина – очень сложный механизм; то тут, то там в ней просто должно что-нибудь рваться или ломаться; но не следует из-за этого портить себе общее впечатление. Ремень, кстати, мы сейчас же заменим; вместо него я возьму цепь, хоть это и повлияет на чувствительность рабочего колебания у правой руки. И, накладывая цепь, он продолжал: – Средства для поддержания машины в надлежащем состоянии сейчас крайне ограничены. При старом коменданте только для этой цели я имел в своем распоряжении специальную кассу. Здесь был и склад, в котором хранились всевозможные запасные части. Признаюсь, я пользовался всем этим с некоторым расточительством, я имею в виду раньше, не сейчас, как утверждает новый комендант, которому все служит только поводом для того, чтобы бороться со старыми порядками. Касса на аппарат сейчас находится под его попечительством, и если я пошлю к нему кого-нибудь за новым ремнем, он потребует оторванный кусок в качестве доказательства, новый же ремень придет лишь дней через десять, будет не самого лучшего качества и надолго его не хватит. А как я за это время должен запускать машину без ремня, это никого не волнует.

Путешественник размышлял: решительно вмешиваться в дела посторонних всегда связано с риском. Он не был ни жителем этого поселения; ни гражданином государства, которому оно принадлежало. Если бы он захотел осудить эту казнь или даже препятствовать ей, ему могли сказать: «Ты здесь чужой, веди себя смирно!» На это он бы ничего не смог возразить, пожалуй, только заметить, что не понимает сам себя в данной ситуации, ибо путешествует лишь с тем, чтобы смотреть и ни в коем случае не для того, чтобы менять судоустройство у других. Однако тут ситуация была, надо сказать, весьма заманчивой. Несправедливость всего этого дела и бесчеловечность казни были налицо. Никто не мог упрекнуть путешественника в каком-нибудь своекорыстии, потому как осужденный был ему незнаком, он не был его соотечественником, да и вообще человеком, который вызывал собой чувство жалости. Сам путешественник прибыл сюда с рекомендациями высоких инстанций, был встречен с большой учтивостью, и то, что его пригласили на эту казнь, кажется, даже говорило о том, что от него ждали его мнения по поводу этого суда. Это было тем более очевидным, что нынешний комендант, как путешественник уже не раз мог сегодня слышать, не являлся приверженцем действующего судебного производства и почти не скрывал своей враждебности по отношению к офицеру. Вдруг путешественник услышал гневный крик офицера. Тот только что, не без труда, затолкал в рот осужденному болванку-кляп, как осужденный в безудержном порыве рвоты закрыл глаза и его выворотило наизнанку. Офицер поспешно сдернул его голову с болванки и хотел повернуть ее к яме, но было слишком поздно, рвотная масса уже стекала по машине.

– Это все вина коменданта! – вскричал офицер и стал в беспамятстве дергать медные стержни спереди. – Мне тут гадят, как в хлеву.

Дрожащей рукой он показал путешественнику, что случилось.

– Разве я не пытался часами втолковать коменданту, что за день до казни нельзя больше давать осужденному никакой пищи! Но новый добрый ветерок, знай, дует по-своему. Эти комендантские барышни, перед тем как человека уведут, пичкают его сладости дальше некуда. Все свою жизнь он питался вонючей рыбой, а сейчас жрет сладости! Хорошо, пусть будет даже так, я бы ничего не говорил, но почему мне не дадут новый войлок, о котором я прошу коменданта уже три месяца. Как можно без отвращения брать в рот этот кляп, который уже обсосало и искусало перед смертью больше сотни человек?

Голова осужденного снова покоилась на ложе и он имел мирный вид; солдат занимался тем, что чистил рукой осужденного машину. Офицер подошел к путешественнику, который в каком-то предчувствии сделал шаг назад, но офицер только взял его за руку и отвел в сторону.

– Я хочу сказать вам пару слов по секрету, – произнес он, – я ведь могу это сделать?

– Разумеется, – сказал путешественник и слушал опустив глаза.

– Эти судебные методы и эта казнь, которую у вас сейчас есть возможность лицезреть, в настоящее время не имеют в нашем поселении открытых сторонников. Я их единственный представитель и одновременно единственный представитель наследия старого коменданта. Мне не приходится больше думать о дальнейшей разработке этих методов, я и так отдаю все силы, чтобы сохранить то, что осталось. Когда старый комендант был жив, поселение наполнилось его приверженцами; я частично обладаю силой убеждения старого коменданта, но его власти мне не хватает; вследствие этого все давешние приверженцы попрятались кто куда, их еще много, но никто не признается. Если, к примеру, сегодня, то есть в день казни, вы зайдете в нашу чайную и прислушаетесь там к разговорам, вы, наверное, услышите лишь двусмысленные высказывания. Это все приверженцы, но при нынешнем коменданте с его нынешними взглядами они для меня совершенно непригодны. А теперь я спрашиваю вас: разве такое гигантское творение – он показал на машину, – должно погибать из-за какого-то коменданта и его дамочек, под влиянием которых он находится? Разве это можно допустить? Даже если ты не издалека и приехал на наш остров всего на несколько дней? Однако времени терять больше нельзя, против моего судопроизводства что-то затевают, в комендатуре уже проводят совещания, к которым меня не привлекают; даже ваше сегодняшнее присутствие здесь кажется мне показательным для всей ситуации; они трусят и посылают вперед вас, приезжего. А какой была экзекуция в прежние времена! Уже за день до казни вся долина до отказа была забита людьми; все приходило только, чтобы посмотреть; рано утром являлся комендант со своими дамами; фанфары будили весь лагерь; я докладывал, что все готово; местное общество – ни один из высших чинов не должны был отсутствовать – распределялось вокруг машины; эта куча плетеных стульев – все, что осталось от той поры. Свежевычищенная машина так и блестела, я почти к каждой экзекуции брал новые запасные части. Перед сотнями глаз – все зрители стояли на цыпочках отсюда и вон до тех холмов – комендант самолично клал осужденного под борону. То, что сегодня можно делать рядовому солдату, в то время было моей работой председателя суда и честью для меня. И вот начиналась сама казнь! Ни один лишний звук не нарушал работу машины. Некоторые из зрителей уже совсем не смотрели, а лежали с закрытыми глазами на песке; все знали: сейчас вершится

правосудие. В тишине были слышны лишь стоны осужденного, сдавливаемые кляпом. Сегодня машине больше не удается выжать из осужденного стоны сильнее тех, которые в состоянии подавить кляп; раньше же пилющие иглы выделяли еще и едкую жидкость, которую сегодня больше не разрешается применять. Наконец наступал шестой час! Было невозможно удовлетворить просьбу всех придвинуться поближе к центру событий. Комендант благоразумно давал распоряжение учитывать в первую очередь детей; я, как вы понимаете, в силу своей должности всегда мог оставаться непосредственно у аппарата; зачастую я так и сидел там на корточках, взяв в левую и правую руку по ребенку. Как мы все впитывали в себя с измученного лица это выражение просветления! Как мы подставляли свои щеки сиянию этой, наконец, установленной и уже покидающей нас справедливости! Какие это были времена, товарищ мой!

Офицер, видимо, забыл, кто перед ним стоял; он обнял путешественника и положил голову на его плечо. Путешественник был в сильном смущении, он нетерпеливо смотрел перед собой поверх офицера. Солдат закончил очищать аппарат и вываливал сейчас из жестяной банки в миску рисовую кашу. Едва лишь осужденный завидел это – похоже, он совсем уже пришел в себя, – как он начал хватать кашу языком. Солдат то и дело отталкивал его, поскольку каша предназначалась для более позднего времени, однако сам, что, конечно, тоже никуда не годилось, лез в нее своими грязными руками и еще до страждущего осужденного успевал ухватить там что-то для себя. Офицер быстро собрался.

– Я не хотел вас растрогать или что-нибудь в этом роде, – сказал он. – Я знаю, сегодня невозможно передать дух тех времен. Впрочем, машина еще работает и сама по себе впечатляет. Впечатляет, даже если и стоит одна в этой долине. И мертвое тело под конец все еще летит в яму в том непостижимо плавном полете, даже если вокруг ямы не собираются, как тогда, полчища мух. Тогда мы еще, помнится, обнесли яму крепкими перилами, их давно снесли.

Путешественник хотел отвести от офицера свое лицо и бесцельно смотрел то туда, то сюда. Офицер полагал, что он занят разглядыванием этой унылой долины, поэтому взял его за руки, стал вертеться вокруг него, чтобы поймать его взгляд, и спросил:

– Замечаете всю срамоту?

Но путешественник молчал. Офицер на время отпустил его; с широко расставленными ногами, уперев по бокам руки, он безмолвно стоял и глядел в землю. Потом он ободряюще улыбнулся путешественнику и сказал:

– Вчера я был неподалеку от вас, когда комендант пригласил вас поприсутствовать на казни. Я слышал, как он приглашал. Я-то знаю нашего коменданта. Я сразу понял, какую цель он преследует этим приглашением. Хотя он и обладает достаточной властью, чтобы выступить против меня, он еще на это не решается, однако, судя по всему, хочет подставить меня под удар вашего мнения – мнения авторитетного человека со стороны. Его расчет тонко продуман: вы всего второй день на острове, вы не были знакомы со старым комендантом, а также с кругом его мыслей, вы пристрастны в своих современных европейских воззрениях, возможно, вы принципиальный противник смертной казни в общем и такого вот механического способа экзекуции в частности, к тому же вы видите, что эта казнь совершается без привлечения общественности, в какой-то жалкой обстановке, с помощью уже поврежденной машины – принимая все это во внимание (так думает комендант), разве не очень вероятной делается возможность того, что вы сочтете мои судебные методы неправильными? И если вы сочтете их неправильными (я все еще говорю с позиции коменданта), вы же не будете молчать, ибо вы наверняка полагаетесь на свои проверенные долгим опытом убеждения. Правда, вы повидали много странных обычаев многих народов и научились относиться к ним с уважением, посему вы, скорее всего, не будете чересчур резко, отзывать о моих методах, как бы вы, наверное, сделали это у себя на родине. Но этого коменданту вовсе и не требуется. Мимолетно сказанного, просто неосторожного слова будет достаточно. И сказанное вами вовсе не должно перекликаться с вашими убеждениями, если оно уже одной своей видимостью пойдет навстречу его желанию. То, что он будет расспрашивать вас со всей хитростью, в этом я уверен. И его дамочки будут сидеть по кругу и наострять уши. Вы, предположим, скажете: «У нас судопроизводство другое», или: «У нас осужденного перед вынесением приговора сначала допрашивают», или: «У нас пытки применяли только в средневековье». Это все высказывания, которые в той же мере справедливы, в какой они представляются вам вполне естественными, невинные замечания, не затрагивающие принципов моего судопроизводства. Но как воспримет их комендант? Я так и вижу его перед собой, славного коменданта, как он тут же отодвигает в сторону стул и вылетает на балкон, я вижу его дамочек, как они разом устремляются за ним, слышу его голос – барышни называют его громовым, – голос, который говорит: «Крупный исследователь из Европы, уполномоченный проверить судебное производство во всех странах, только что сказал, что наш суд, основанный на старых традициях, является бесчеловечным. После этого заключения такого высокопоставленного лица терпеть нашу судебную практику мне, конечно, больше не представляется возможным. С сегодняшнего дня я приказываю...» и так далее. Вы хотите вмешаться, мол, вы сказали не то, о чем он возвещает, вы не называли мой суд бесчеловечным, наоборот, по вашему глубокому убеждению, вы находите его самым человечным и самым человеческим, вы восхищены также этим машинным подходом – однако все поздно; вам даже не удастся выйти на балкон, который уже весь забит дамами; вы хотите как-то привлечь к себе внимание; вы хотите кричать, но какая-то дамская рука зажимает вам рот – и я, и творение старого коменданта пропали!

Путешественнику пришлось подавить улыбку; такой, значит, легкой была задача, которая казалась ему такой тяжелой. Он сказал уклончиво:

– Вы переоцениваете мое влияние. Комендант читал мое рекомендательное письмо, он знает, что я не являюсь знатоком судебных дел. Если бы я стал высказывать свое мнение, то это было бы мнение частного лица, ничуть не выше, чем мнение любого другого человека, и уж во всяком случае куда ниже, чем мнение коменданта, который, насколько мне известно, наделен в этом поселении весьма обширными правами. И если его мнение об этом судопроизводстве столь категорично, как вы полагаете, то тогда, боюсь, этому судопроизводству наступил конец и это отнюдь без моего скромного содействия.

Дошла ли суть сказанного до офицера? Нет, еще не дошла. Он резво качнул пару раз головой, коротко обернулся к осужденному и солдату, которые вздрогнули и перестали хватать рис, приблизился вплотную к путешественнику, остановил свой взгляд не на его лице, а где-то на его сюртуке и сказал тише прежнего:

– Вы не знаете коменданта; по сравнению с ним и всеми нами вы отличаетесь, простите мне это выражение, определенным простодушием. Ваше влияние трудно переоценить, поверьте. Я был вне себя от счастья, когда услышал, что только вы один должны

присутствовать на казни. Это распоряжение коменданта было направлено точно против меня, но теперь я поверну его себе на пользу. Не подвергаясь воздействию ложных нащептываний и пренебрежительных взглядов, – чего нельзя, скажем, избежать при большем скоплении народу на экзекуции, – вы выслушали мои разъяснения, ознакомились с машиной и намерены сейчас проследить за ходом смертной казни. Мнение у вас наверняка уже сложилось, а если и остались еще какие-нибудь мелкие сомнения, то сам процесс экзекуции их устранил. И теперь я обращаюсь к вам с просьбой: помогите мне в этой войне с комендантом!

Путешественник не дал ему говорить дальше.

– Как же я смогу это сделать? – воскликнул он. – Это невозможно. Моя помощь может быть столь же мизерной, сколь и вред от меня.

– Нет вы можете помочь мне, – сказал офицер. С некоторым опасением путешественник смотрел за тем, как офицер сжал кулаки.

– Вы можете, – повторил офицер еще настоятельнее. – У меня есть план, который должен увенчаться успехом. Вы считаете, что вашего влияния недостаточно. Я же знаю, что его достаточно. Но допустим, вы и правы, однако разве тогда не нужно пытаться идти через все, даже, может быть, через непреодолимые препятствия, чтобы сохранить это судопроизводство? Выслушайте мой план. Для его осуществления прежде всего необходимо, чтобы вы, по возможности, воздержались сегодня в поселении от изложения вашего мнения относительно увиденного. Если вас не спросят напрямую, вам совсем не стоит высказываться; а если уж пришлось, то ваши высказывания должны быть короткими и неопределенными; пусть окружающие заметят, что вам тяжело говорить об этом подробнее, что вы крайне огорчены; что если вам вдруг придется говорить открыто, то вы разразитесь чуть ли не последними проклятиями. Я не требую от вас, чтобы вы лгали, ни в коем случае; вам следует отвечать лишь коротко, вроде: «да, я видел эту казнь», или «да, я прослушал все объяснения». Только это, ничего больше. А для огорчения, которое должно бросаться всем в глаза, поводов ведь предостаточно, даже если они и не в духе коменданта. Он, конечно, поймет это абсолютно превратно и будет толковать все по-своему. На этом-то и основан мой план. Завтра в комендатуре под председательством коменданта состоится большое заседание всех высших административных чинов. Комендант хорошо научился делать из подобных заседаний публичное зрелище. По его распоряжению там была построена целая галерея, на которой всегда присутствуют зрители. Я вынужден на сей раз принять участие в совещании, но меня так и передергивает от отвращения. Вас в любом случае пригласят на заседание; и если вы будете вести себя сегодня в соответствии с моим планом, то это приглашение примет форму настоятельной просьбы. Если же вас по каким-то необъяснимым причинам все же не пригласят, то тогда вы, конечно, сами должны будете потребовать приглашение; в том, что вы его получите, я ничуть не сомневаюсь. И вот, значит, вы сидите завтра с дамами в ложе коменданта. Сам он частенько будет поглядывать вверх, чтобы быть уверенным в вашем присутствии. После ряда бессодержательных, смехотворных, рассчитанных только на публику протокольных вопросов – главным образом, это портовое строительство, одно лишь портовое строительство! – дело дойдет и до судебного производства. Если этот пункт не будет затронут комендантом или его рассмотрение будет оттягиваться им, то свое слово вставлю я. Я встану и отдам рапорт о сегодняшней экзекуции. Совсем коротко, лишь по самому факту. Хотя такие сообщения там и не приняты, я все равно его сделаю. Комендант поблагодарит меня, как всегда, приветливой улыбкой и вот – он не может сдержаться, он видит благоприятный момент. «Только что», – так или примерно так он будет говорить, – «мне был отдан рапорт о проведенной экзекуции. В дополнение к нему я хотел бы только добавить, что на этой экзекуции присутствовал крупный исследователь, о столь почетном пребывании которого в нашем поселении вы все знаете. И значение нашего сегодняшнего заседания усиливается благодаря его присутствию в этом зале. Не хотим ли мы сейчас обратиться к нашему гостю с вопросом относительно того, как он относится к этой старообрядной экзекуции и к судебным методам, предшествующим ей?» Конечно, кругом раздаются аплодисменты, всеобщее одобрение, я кричу и хлопаю громче всех. Комендант склоняется перед вами в поклоне и говорит: «Тогда от имени всех я задаю этот вопрос». И вот вы выходите к парапету, кладете на него руки так, что видно всем, иначе дамы будут дергать вас за пальцы... – Тут-то, наконец, и настает черед вашей речи. Не знаю, как я выдержу к тому времени напряжение гнетущих часов. В вашей речи вы не должны сдерживать себя ни в чем, дайте правде с шумом литься из вас, склонитесь через парапет, кричите во весь голос – а то как же? – кричите коменданту всю вашу мысль, ваше неоспоримое мнение. Но, может быть, вам это не подходит, это не соответствует вашему характеру, у вас на родине, быть может, в таких ситуациях ведут себя по-другому, и это тоже правильно, и этого тоже вполне хватит, тогда совсем не вставайте, скажите лишь пару слов, произнесите их шепотом, чтобы их только-только могли слышать чиновники, сидящие под вами, этого будет достаточно, вам совсем не надо говорить о неудовлетворительном зрительском интересе к казни, о скрипучей шестеренке, разорванном ремне, паршивом войлоке, нет, все остальное я возьму на себя и, поверьте мне, если мои слова не заставят коменданта выбежать из зала, то они принудят его встать на колени и признаться: старый комендант, пред тобой преклоняюсь! – Таков мой план. Вы хотите помочь мне осуществить его? Ну, конечно же вы хотите, даже более того – вы обязаны!

И офицер опять схватил путешественника за обе руки и, тяжело дыша, посмотрел ему в лицо. Последние фразы он говорил так громко, что даже солдат и осужденный насторожились; хоть они и не могли ничего понять, они все же оставили свою еду и, жуя, взирали на путешественника. Ответ, который предстояло дать путешественнику, с самого начала не подлежал для него никакому сомнению; в своей жизни он собрал предостаточно опыта, чтобы вдруг пошатнуться здесь в своей позиции; в сущности он был честным человеком и не испытывал страха. Тем не менее сейчас он слегка медлил, глядя на солдата и осужденного. В конце концов он, однако, сказал то, что и должен был сказать:

– Нет.

Офицер моргнул несколько раз глазами, но не отвел от путешественника своего взгляда.

– Не угодно ли вам выслушать объяснение? – спросил путешественник. Офицер молча кивнул.

– Я противник этих судебных методов, – начал пояснять путешественник. – Еще до того как вы посвятили меня в свои тайны – я, естественно, ни при каких обстоятельствах не буду злоупотреблять вашим доверием, – я уже подумывал на тот счет, вправе ли я выступить против здешней судебной практики и будет ли мое выступление иметь хоть малейшую надежду на успех. К кому мне в этом случае сначала требовалось обратиться, было мне ясно: к коменданту, разумеется. А вы мне сделали эту цель еще более ясной, нельзя сказать, однако, чтобы это как-то укрепило меня в моем решении, напротив, вашу искреннюю убежденность я принимаю близко к сердцу, даже если она и не может свернуть меня с моего пути.

Офицер по-прежнему безмолвно смотрел; он повернулся к машине, взялся за один из медных стержней и, чуть отведя туловище назад, поглядывал вверх, на корпус чертежника, словно проверял, все ли было в порядке. Солдат и осужденный за это время, похоже, стали друзьями; осужденный делал солдату знаки, как ни трудно это было в его положении крепко привязанного человека, солдат наклонялся к нему, осужденный что-то ему нашептывал и солдат кивал головой. Путешественник приблизился к офицеру и сказал:

– Вы еще не знаете, что я хочу сделать. Я и вправду сообщу свое мнение об этом суде коменданту, но не на заседании в комендатуре, а с глазу на глаз; к тому же я не останусь здесь так долго, чтобы меня можно было привлечь к какому-нибудь заседанию; я уезжаю уже завтра утром или, по крайней мере, сажусь завтра на корабль.

Было не похоже, что офицер слушал его.

– Выходит, мои судебные методы вас не убедили, – процедил он и усмехнулся, как усмежается старик какому-нибудь дурачеству ребенка, прикрывая этой усмешкой свое собственное глубокое раздумье. – Значит, тогда пора, – сказал он наконец и взглянул вдруг на путешественника ясными глазами, в которых читалось какое-то воззвание, какой-то призыв к участию.

– Что пора? – спросил путешественник с беспокойством, но не получил ответа.

– Ты свободен, – сказал офицер осужденному на его языке. Тот сначала не поверил услышанному.

– Я говорю, ты свободен, – сказал офицер. Впервые лицо осужденного по-настоящему оживило. Что это было? Неужели правда? Или прихоть офицера, которая могла быстро улетучиться? Или это путешественник-чужестранец добился для него милости? В чем тут было дело? Такие вопросы, казалось, отражались на его лице. Но недолго. В чем бы там ни было дело, он действительно хотел быть свободным, если уж ему давали такую возможность, и он начал вырываться, насколько это допускала борона.

– Ты порвешь мне ремни! – закричал офицер. – Лежи тихо! Сейчас мы их расстегнем.

И дав солдату знак, он принялся с ним за работу. Осужденный только тихо посмеивался себе под нос и крутил лицом то влево, к офицеру, то вправо, к солдату, не забывая при этом и путешественника.

– Вытаскивай его, – приказал офицер солдату. Из-за близости бороны тут необходима была некоторая осторожность. Нетерпение осужденного уже привело к тому, что на его спине виднелось сейчас несколько маленьких рваных ран. С этой минуты офицер им больше почти не интересовался. Он подошел к путешественнику, снова вытащил свою кожаную книжечку, полистал в ней, нашел, наконец, листок, который искал и показал его путешественнику.

– Читайте, – сказал он.

– Я же не могу, – сказал путешественник, – я уже говорил, что не могу читать эти листки.

– А вы всмотритесь повнимательнее, – сказал офицер и встал рядом с путешественником, чтобы читать вместе с ним. Когда и это не помогло, он, чтобы облегчить путешественнику чтение, стал вести над бумагой мизинцем, на таком большом расстоянии, словно прикасаться к ней ни в какую не разрешалось. Путешественник старался на совесть, чтобы хотя бы в этом угодить офицеру, но все равно не мог ничего разобрать. Тогда офицер начал читать надпись по складам и затем произнес все целиком.

– «Будь справедлив!» – написано здесь, – сказал он. – Сейчас же вы видите.

Путешественник так низко склонился над бумагой, что офицер, опасаясь прикосновения, отодвинул ее подальше; и хотя путешественник сейчас ничего не говорил, было ясно, что он все еще никак не мог прочесть надпись.

– Здесь написано: «будь справедлив!», – сказал офицер еще раз.

– Может быть, – сказал путешественник. – Я верю вам, что это там написано.

– Ну, хорошо, – произнес офицер, удовлетворенный хотя бы частично, и залез с листком на лестницу. С большой осторожностью он расправил листок в чертежнике и, как казалось, полностью переставил что-то в механизме шестеренок; это была весьма кропотливая работа, ему ведь, по-видимому, приходилось добираться и до совсем маленьких шестеренок; голова офицера порой целиком исчезала в нутре чертежника, так тщательно он вынужден был обследовать механизм. Путешественник, не отрываясь, наблюдал снизу за работой офицера; у него затекла шея и болели глаза от залитого солнечным светом неба. Солдата и осужденного уже нельзя было различить. Рубашку и штаны осужденного, которые до этого были брошены в яму, солдат вытащил из нее на кончике штыка. Рубашка была страшно грязной и осужденный отмывал ее в чане с водой. Когда он потом надел и рубашку и штаны, то разразился вместе с солдатом громким хохотом, потому как одежда ведь была разрезана сзади надвое. Быть может, осужденный думал, что он обязан развлекать солдата, он кружился перед ним в порезанной одежде, а тот сидел на корточках и, хохоча, хлопал себя ладонями по коленям. Все-таки они своевременно взяли себя в руки, вспомнив, что рядом еще находятся два господина. Когда офицер, наконец, разделался наверху с механизмом, он еще раз с улыбкой оглядел все часть за частью, закрыл теперь крышку чертежника, которая до этого была открыта, спустился вниз, посмотрел в яму и потом на осужденного, отметил с удовлетворением, что тот вытащил свою одежду, подошел вслед за этим к чану с водой, чтобы помыть руки, с опозданием заметил отвратительную грязь внутри, опечалился по поводу того, что не мог помыть сейчас рук, стал в итоге протирать их песком – это был слабый выход, но что ему еще оставалось делать, – затем поднялся и начал расстегивать свой китель. При этом ему в руки выпали два дамских платочка, которые он затолкал прежде за воротник.

– Вот тебе твои носовые платки, – сказал он и бросил их осужденному. Путешественнику же он пояснил: – Подарки от дам.

Невзирая на очевидную поспешность, с которой он снимал с себя китель и раздевался далее донага, он все же крайне аккуратно обращался с каждым предметом своей одежды, по серебряным аксельбантам своего военного мундира он даже специально провел



несколько раз пальцами и заботливо вернул одну тесьму в нужное положение. Правда, с этой аккуратностью как-то мало вязалось то обстоятельство, что офицер, лишь только он заканчивал осмотр той или иной части, затем тотчас же кидал ее негодующим жестом в яму. Последним, что у него оставалось, была короткая шлага на пристяжном ремне. Он вытянул шлагу из ножен, сломал ее, собрал потом все вместе, куски шлагы, ножны и ремень, и отшвырнул их с такой силой, что внизу в яме звонко зазвенело. Теперь он стоял голый. Путешественник кусал себе губы и ничего не говорил. Хотя он и знал, что сейчас произойдет, он был не вправе препятствовать офицеру в чем-либо. Если судебные методы, которые так любил офицер, в самом деле находились на грани устранения – возможно, вследствие вмешательства путешественника, к чему тот, со своей стороны, чувствовал себя обязанным, – то тогда офицер поступал абсолютно правильно; на его месте путешественник действовал бы не иначе. Солдат и осужденный сперва ничего не поняли, поначалу они даже и не смотрели в сторону офицера. Осужденный очень радовался тому, что получил назад носовые платки, однако радость его была недолгой, ибо солдат отобрал их у него проворным, непредвиденным движением. Теперь уже осужденный пытался выхватить платки у солдата из-под ремня, за который тот их засунул, но солдат был бдителен. Так они, наполовину забавляясь, спорили друг с другом. Только когда офицер оказался полностью раздетым, они переключили на него свое внимание. Осужденный, похоже, был в особенной степени сражен предчувствием какого-то большого поворота. То, что произошло с ним, теперь происходило с офицером. Быть может, так дело дойдет до последней крайности. Наверное, путешественник-чужестранец отдал такой приказ. Вот, значит, она – месть. И хоть он сам отстрадал не до конца, он-таки будет до конца отмищен. Широкая, немая улыбка появилась на его лице и больше с него не сходила. Офицер, однако, повернулся к машине. Если уже раньше стало ясно, что он был хорошо с ней знаком, то сейчас почти ошеломляющий эффект производило то, как он ей управлял и как она его слушалась. Он только приблизил руку к бороне, как та поднялась и опустилась несколько раз, пока не приняла нужного положения, чтобы встретить его; он только дотронулся до ложа с краю и оно уже начало вибрировать; войлочная болванка стала придвигаться к его рту, было видно, как офицер, по сути, желал от нее отстраниться, но замешательство длилось всего лишь мгновение, вот он уже смирился со своей участью и дал кляпу войти в рот. Все было готово, только ремни еще свисали по бокам, но, очевидно, в них не было необходимости, офицера не надо было пристегивать. Тут осужденный заметил болтающиеся ремни; на его взгляд, экзекуция была еще не совсем готова к проведению, если не были пристегнуты ремни; он живо кивнул солдату, и они побежали пристегивать офицера. Тот вытянул было одну ногу, чтобы толкнуть рукоять привода, запускавшую чертежник, как увидел, что двое уже стояли подле него, поэтому он убрал ногу и покорно дал себя пристегнуть. Теперь, правда, он не мог больше дотянуться до рукоятки; ни солдат, ни осужденный ее не найдут, а путешественник решил не двигаться с места. Но рукоять была и не нужна; едва только пристегнули ремни, как машина уже сама начала работать; ложе дрожало, иглы танцевали по коже, борона парила туда-сюда. Путешественник был так прикован к этому зрелищу, что не сразу вспомнил, что в чертежнике ведь должна была скрипеть одна шестеренка, но все было тихо, не было слышно ни малейшего шума. Из-за этого тихого хода машины внимание к ней форменным образом притупилось. Путешественник посмотрел туда, где были солдат и осужденный. Осужденный отличался большей живостью природы, в машине его все интересовало, он то нагибался вниз, то вытягивался вверх, и непрерывно тыкал кругом указательным пальцем, чтобы показать что-то солдату. Путешественнику эта картина была неприятна. Он твердо решил оставаться здесь до конца, но этих двух он бы долго не вытерпел перед своими глазами.

– Ступайте домой! – сказал он. Солдат бы, может, на это и согласился, но осужденный расценил сей приказ прямо-таки как наказание. Молитвенно сложив руки, он стал заклинать путешественника оставить его здесь, и когда тот, качая головой, не хотел идти ни на какие уступки, осужденный даже встал на колени. Путешественник понял, что приказами здесь ничего не добиться, и хотел уже идти прогонять обоих. Вдруг он услышал наверху, в корпусе чертежника, какой-то шум. Он задрал голову. Значит, шестеренка все-таки пошаливала? Однако тут было что-то другое. Крышка чертежника медленно поднялась и затем полностью откинулась. В открывшемся отверстии показались и выступили вверх зубцы шестеренки, вскоре она вышла целиком; было такое впечатление, как будто какая-то могучая сила давила на чертежник со всех сторон так, что для этой шестеренки больше не оставалось места; она достигла края чертежника, стоймя упала вниз, прокатилась немного по песку и, свалившись на бок, затихла. Но вот наверху показалась еще одна, за ней последовало много других, больших, маленьких и едва различившихся меж собой, со всеми происходило то же самое, и с каждым разом, когда возникала мысль, что чертежник-то сейчас уже должен быть пуст, из его недр вдруг появлялась новая, особенно многочисленная группа, поднималась вверх, падала, прокатывалась по песку и потом залегала. Под впечатлением такой картины осужденный и думать забыл о приказе путешественника, шестеренки заворожили его полностью, он то и дело хотел дотронуться до какой-нибудь из них, подбивая одновременно солдата помочь ему, но отдергивал в страхе руку, так как там катилась уже следующая шестеренка, пугавшая его по крайней мере своим первым приближением. Путешественник же был сильно обеспокоен; машина явно разваливалась на части; ее тихий ход был обманом; он почувствовал, что ему сейчас надо позаботиться об офицере, поскольку тот не мог больше действовать самостоятельно. Однако совершенно отвлеченный выпадением шестеренок, путешественник выпустил из виду остальные части машины; когда же он сейчас, после того как последняя шестерня покинула нутро чертежника, наклонился над бороной, его взору предстал новый, еще более мрачный сюрприз. Борона не писала, а только колола, и ложе не раскачивало тело, а лишь короткими толчками насаживало его на иглы. Путешественник хотел принять срочные меры, по возможности остановить всю эту карусель, ведь это же была не пытка, какой планировал ее офицер, это было самое настоящее убийство. Он вытянул руки. Но борона уже выдвинулась с наколотым на иглы телом в сторону, что она обычно проделывала лишь к двенадцатому часу. Кровь лилась сотнями ручьев, не смешиваясь с водой, – трубки подачи воды на сей раз тоже отказали. А теперь еще не работало и последнее: тело не слетало с длинных игл бороны, брызгало кровью, но висело над ямой и не падало. Борона уже собиралась было вернуться в прежнее положение, но, словно заметив сама, что еще не освободилась от своего груза, все-таки осталась висеть над ямой.

– Помогите же! – крикнул путешественник солдату и осужденному и взял офицера за ноги. Он хотел упереться в них, те двое должны были взяться с другой стороны за голову офицера, и таким образом его можно было медленно снять с игл. Однако ни тот, ни другой не решались сейчас приблизиться; осужденный в открытую отвернулся; путешественнику пришлось идти к ним и насильно заставлять их взять офицера за голову. При этом он почти против своей воли заглянул в его мертвое лицо. Оно было таким, каким оно было и при жизни; ни единого следа обещанного избавления нельзя было обнаружить на нем; то, что в объятиях этой машины нашли все остальные, офицер здесь не нашел; его губы были крепко сжаты, глаза были открыты, в них застыло выражение жизни, взгляд был спокойным и убежденным, изо лба торчало острие большого железного шипа.

Когда путешественник, преследуемый солдатом и осужденным, подходил к первым домам поселения, солдат показал на один из них и сказал:

– Это чайная.

Занимавшая первый этаж дома, чайная представляла собой низкое, уходящее далеко вглубь гротоподобное помещение, стены и потолок которого были желтыми от дыма. Стороной, выходящей на улицу, оно было открыто во всю длину. И хотя чайная мало отличалась от прочих домов поселения, которые, за исключением дворцовых построек коменданта, все имели весьма запущенный вид, она все же производила на путешественника впечатление некоего исторического памятника и он ощущал мощь былых времен. Он подошел к чайной, в сопровождении своих спутников прошел между незанятыми столиками, стоявшими перед ней на улице, и вдохнул прохладно-затхлый воздух, который шел изнутри.

– Тут похоронен старый комендант, – сказал солдат. – Священник не выделил ему места на кладбище. Некоторое время в поселении не могли решить, где его похоронить и в итоге похоронили здесь. Этого вам офицер наверняка не рассказывал, потому что этого он, конечно, стыдился больше всего. Он даже не раз пытался выкопать старика ночью, но его всегда прогоняли.

– И где же могила? – спросил путешественник, который не мог поверить солдату.

Тотчас оба, солдат и осужденный, выбежали вперед и вытянутыми руками показали туда, где находилась могила. Они подвели путешественника к задней стенке, где за несколькими столами сидели гости. По всей видимости, это были портовые рабочие, крепкие мужчины с короткими, блестящими черными бородами. Все были без сюртуков, в изодранных сорочках, бедный, униженный народ. Когда путешественник приблизился к ним, некоторые из них встали, прижались к стене и косились на него оттуда. «Это чужеземец», – разнесся вокруг путешественника шепот, – «он хочет посмотреть могилу». Они отодвинули один из столов в сторону и под ним действительно обнаружилась могильная плита. Это была совсем обычная плита, достаточно низкая, чтобы ее можно было спрятать под столом. На ней очень мелко была сделана какая-то надпись, путешественнику пришлось опуститься на колени, чтобы прочесть ее. Надпись гласила: «Здесь покоится старый комендант. Его последователи, не имеющие сейчас имен, выкопали ему эту могилу и положили на нее камень. Существует пророчество, согласно которому комендант по истечении определенного количества лет воскреснет и поведет из этого дома своих приверженцев на новый захват поселения в свои руки. Веруйте и ждите!»

Когда путешественник прочитал это и поднялся, он увидел, что присутствующие стоят вокруг него и усмеваются, будто только что прочитали надпись вместе с ним, сочли ее смешной и приглашали его сейчас присоединиться к их мнению. Путешественник сделал вид, что не заметил этого, раздал несколько монет, подождал немного, пока стол не подвинули обратно на место, вышел из чайной и двинулся к порту.

Солдат и осужденный встретили в чайной знакомых, которые их задержали. Однако, должно быть, они довольно скоро вырвались от них, поскольку путешественник находился еще только на середине длинной лестницы, ведущей к лодкам, как они уже бежали за ним. Наверное, они в последний момент хотели заставить путешественника взять их с собой. В то время как путешественник договаривался с лодочником о переправе к пароходу, оба они неслись вниз по лестнице – молча, ибо не осмеливались кричать. Однако когда они были внизу, путешественник уже сидел в лодке и лодочник как раз отвязывал ее от причала. Они еще могли бы прыгнуть в лодку, но путешественник поднял с ее днища тяжелый узел каната, пригрозил им и тем самым удержал их от прыжка.